

Никто не забыт и ничто не забыто...

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Тольяттинский вестник

Литературное приложение

Интернет-издание Тольяттинского местного отделения
Всероссийской общественной организации
ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО»
К выпуску № 9 – 1 (32) – июль 2022 г.

Автор – Чекунов Сергей Павлович

Родился 24 августа 1957 года в городе Куйбышеве. В 1976 году окончил Куйбышевский техникум железнодорожного транспорта, отделение «Электротяговое хозяйство железных дорог». С 1976 по 1978 год проходил службу в воздушно-десантных войсках в Литве и городе Пскове. В 1980 году окончил факультет станковой живописи и графики, отделения изобразительного искусства народного университета искусств в Москве. С июля 1988 года работает в Тольяттинском машиностроительном колледже. Автор поэтических сборников «Дорога к храму», «Пространство души», «Территория любви», «Исключение из правил», сборника рассказов «Пять минут с отцом», повестей «Счастливый человек», «Плавск» и литературно-документального материала «Гаврилова поляна». В 2021 году за эту книгу был удостоен премии имени Эдуарда Кондратова в области литературы. **Редактор интернет-издания «Боевое Братство – Тольяттинский вестник» Тольяттинского местного отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО».**

Член Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России. Член Союза писателей России.

Тольятти – 2022

ПИНЯ

Пиня

Я долго не мог начать своё повествование потому, что моя информация не совсем совпадала с общеизвестной. Но, тем не менее, всё же решился. И подтолкнул меня к этому рассказ одной жительницы нашего города, который просто нельзя не привести здесь – до того органично он вписался в тему моего повествования небольшим предисловием, создав при этом доброе настроение и особую атмосферу тех событий, человеческих отношений, а главное – того времени.

«...В детстве, а также отрочестве и юности я жила на улице Фрунзе, в двухэтажном деревянном доме: скрипучие лестницы, маленькие окна с густыми переплётами, палисадник у так называемого парадного входа. В палисаднике росли «золотые шары» и мальвы, а ещё жильцы с первого этажа высаживали подсолнухи, и вот наблюдать за подсолнухами, что действительно вертели жёлтыми головами следом за солнцем – это было самое лучшее из детства. В комнате нас размещалось девять человек: бабушка, дедушка, мама, папа, мы с сёстрами и дядя с тётей. У тёти отчего-то не могло быть детей, и бабушка ругала дядю, мол, женился на бесплодном обсевке. Делала она всегда это в тётином присутствии, нисколько не таясь, тётя плакала, дядя напивался и выгонял нас в холодный коридор. Дедушка тоже мог напиваться; ему диагностировали язву кишечника, напиваться он временно перестал, но с гордостью докладывал каждому встречному: «теперь кровью уже не гажу». Папа водки не одобрял, и часто коротал с нами вечера в прихожей, где стояли две газовые плиты и два ведра: одно помойное, а другое – филиал уборной. На плитах постоянно кипела «выварка» из белья, источавшая запах соды. Как-то я опрокинула чан, и долго лечила ожоги на плече. К термическому присоединился химический.

Уборная – дощатое здание с дырами в полу, находилась во дворе, и была общей для трёх домов. Ходить в уборную было страшно, там мог появиться кто угодно, иногда в грязном углу сидел на корточках сумасшедший сын соседки, эксгибиционист. Мы называли его «извращенец». А так имя у него было прекрасное – Александр. Извращенец Александр, помимо

сексуальных фантазий, был одержим мечтаниями построить гигантский велосипед с крыльями, и занял под это дело большую часть внутреннего двора. Из-за этого между нашим домом и домом напротив разразилась настоящая и страшная война: срезались верёвки с чистым сохнувшим бельем, срывались почтовые ящики, разбивались окна и ломались даже в небольшом количестве носы. Мама Александра почти каждый день выступала под окнами с пламенными речами, называя противников мерзавцами, и обещая поднять вопрос на партийной группе. Иногда противники метали в неё квашеными помидорами.

Один наиболее драматичный эпизод противоборства почтил своим присутствием Пиня Гофман, городской сумасшедший, известная личность и настоящая легенда. Я прекрасно помню Пиню. Он часто попадался навстречу на улицах – неторопливо брёл, неизменно в тёмном пальто, с раздувшимися от всякой всячины карманами и сумками-кошёлками, полными то ли снеди, то ли камней. Иногда он свистел, обозначая приветствие, это выглядело необходимо. Одноклассники болтали, что он только притворяется чокнутым, а на самом деле – американский шпион и охотится за чертежами ракет. Это, конечно же, был полный абсурд.

Задолго до моего рождения имя Пини уже стало нарицательным. Выглядеть «как Пиня» – означало одеться неряшливо, пристроить поверх брюк юбку, поверх свитера – майку, и так далее. Говорили, что на поясе Пиня носил небольшие кисеты с камушками и песком. Мне доводилось заставлять его за киданием маленьких камней, которые он неторопливо черпал из полотняного нечистого мешочка. Пинин возраст всегда был неопределим, мама, например, говорила, что во времена её детства он выглядел точно так же, и с тех пор не претерпел никаких изменений. По городу Пиня передвигался не только пешком, но и на общественном транспорте, предъявляя кондукторам старые автобусные и театральные билеты. Его никогда не штрафовали. Несколько раз слышала, как он что-то быстро-быстро бормотал на ходу, но слов опознать не сумела. Должно быть, говорил на идиш. Но вернусь к нашей «велосипедной» войне.

В тот день извращенец Александр был уличён в краже рейтуз у наиболее негативно настроенной к нему жилицы. Причем, Александра не банально поймали за руку, всё вышло

много серьезнее: Александр надел соседские рейтузы, странного серо-розового цвета, и прогуливался в них по двору. Прогуливаясь, он громко пел свою любимую песню «Мы красные кавалеристы и-про-нас!». Владелица рейтуз как раз возвращалась с работы, рассчитывая спокойно поесть борща и курицы, жареной на вертеле – муж владелицы очень увлекался слесарным делом и недавно смастерил мангал и целую коптильню. Так что настроение владелицы было совсем неплохим, и она даже не сказала мне обычного: «Опять собакам хвосты крутишь, бестолковка». И тут вдруг навстречу извращенец Александр – в украденных рейтузах и с песней. Владелица рейтуз немедленно принялась его дубасить по голове хозяйственной сумкой, а другой рукой стягивать свое поруганное имущество. Извращенец Александр изворачивался от ударов и настойчиво пел, чуть заикаясь: «Былинники речистые ведут рассказ!». Почувствовав неладное в родных сыновних интонациях, наружу выскочила мать Александра.

Тут надо заметить, что рейтузы извращенец Александр присвоил не просто так, а к своему дню рождения. Да, и у извращенцев бывают дни рождения, по этому славному поводу мать Александра выпекала торт «наполеон» из шестнадцать коржей, с масляным кремом. В самый напряжённый момент («про то, как в ночи ясные, про то, как в дни ненастные!») мать извращенца помещала готовый торт в нутро холодильника. Но тут случилась битва. И она выскочила с тортом. Не успев разобраться в ситуации, бросилась на спасение затейливо одетого сына, торт «наполеон» при этом рухнул всеми шестнадцатью коржами наземь, а во двор взошёл Пиня Гофман в пальто и старомодных ботинках из сукна на крючках.

Воспользовавшись мгновенно установившейся непрочной тишиной, он склонился, аккуратно придвинул к себе разрозненный, но всё же великолепный торт, и принялся его поедать - вполне изящно, если такое определение можно применить к городскому сумасшедшему, уплетающему торт, выпавший из дрогнувших рук матери извращенца.

Пиня спокойно ел, очень медленно, тщательно пережёвывая нежные куски, вокруг все молчали, и как-то заполошенно оглядывали друг друга, даже Александр перестал петь, оборвав себя на красивой фразе «Веди, Будённый, нас смелее в бой!». Наверное, всё же было в этом слабоумном старике нечто библейское, непостижимое, но вечное, и даже на

меня, девочку с разбитыми коленками и несделанными уроками, снизошло подобие благодати. Мне стало хорошо. И как-то случайно подумалось, что всё ещё наладится, и девять человек в тринадцатиметровой комнате – ещё не конец света, а на зимние каникулы папа обещал свозить нас с сёстрами в Москву, чтобы мавзолей и главная ёлка страны. И мать Александра вдруг заплакала, быстро сбегала домой, и вынесла Пине замечательное пальто, тёплое, почти новое, это было пальто её покойного мужа, который пару лет назад повесился по пьянке на старом вязе, подпиравшем стенку уборной. Тогда его несчастная вдова сама будто сошла с ума, вывалила из шкафа все мужнины вещи и заворачивалась в них, как младенец. Потом заворачиваться прекратила, но стала как каменная. Ни слезинки не проронила, укоряли её товарки. И Пиня пальто принял, покивал своей большой головой, а помягчевшая владелица рейтуз внезапно принесла ему в кружке компот.

Так закончился один из этапов гражданской войны в нашем дворе, и случай мне этот памятен прежде всего тем, что назавтра и вправду некоторые вещи изменились к лучшему: дядя с тётей получили ордер на квартиру и вскоре съехали, а бабушке, как герою войны, разрешили, наконец, занять две комнатки на чердаке. Таким образом, новый, 1965 год, я встречала пусть не на Красной площади, зато в собственной комнате, замирая от счастья. Думаю, и сейчас, что это «наколдовал» мне Пиня Гофман, человек-легенда, самый колоритный городской юридивый, неформальный «почётный гражданин Самары...»

Своё детство и юность я провёл в той части города, которая среди самарских жителей называлась – «Серые дома». Это небольшая часть Октябрьского района, застроенная трёх, четырёх, пятиэтажными домами, расположенная напротив оврага

Подпольщиков или, как его называют сейчас, вновь вернув ему его старое имя – Постникова оврага. Район Серых домов ограничивался улицами: Ново-Садовой и Скляренко и пересекался улицами: Николая Панова, Ерошевского и Часовая.

Почему эта часть района называлась «Серые дома», думаю, сейчас ответит не каждый, да и, пожалуй, не каждый и знает о таком его названии. По моим обрывочным сведениям – потому, что дома, построенные для рабочих завода имени Масленникова, как раз и были серовато-кирпичного цвета. Правда, потом, со временем, появились и дома из буро-красного кирпича, отштукатуренные и покрашенные в другие светлые тона, но поздно – название уже прижилось. Мама ещё маленькому мне говорила, что якобы часть наших Серых домов то ли строили, то ли достраивали пленные немцы уже после войны. Может быть какие-то дома и строили, я не знаю. Хорошо помню то время, когда я ходил в детский сад. Садик был в месте, называемом – «Старый жилой». Почему именно так?

Может это был старый жилой участок или старый жилой район? Скорее всего потому, что сам завод был построен на территории бывших дач. В любом случае, там когда-то жили. В этом месте находилось три детских садика, а может и четыре, причём, они все были размещены в

помещениях, которые в начале века были предназначены для руководства завода. Дома были красивые, из красного кирпича, вытянутые по длине. Напротив них располагался небольшой парк и даже сохранился то ли бассейн, то ли круглый фонтан. Наш детский сад стоял ниже всех и ближе всех к дому бывшего директора, тогда ещё – Трубочного завода – барона, генерал-майора Гюлюссема, и, как я узнал уже позже, он был построен по проекту архитекторов Вальтера и Волошинова. К нашему детскому садiku примыкал большой фруктовый сад, который, возможно, остался ещё от старых дач, а сам дом всегда казался мне каким-то таинственным и старинным. Может быть оттого, что он стоял на некотором возвышении и со стороны фруктового сада, в котором

мы иногда тайком ели яблоки, был в тени деревьев, а все дорожки от него к игровым площадкам спускались вниз.

Но вернём свои воспоминания к теме нашего рассказа. Когда мы с мамой зимними вечерами возвращались из садика и луна на небе, обращённая своей стороной, похожей на лицо небесного великана, провожала нас до подъезда дома, мама, поднимаясь по ступеням, говорила: «Не пугайся, если у нас опять в гостях Пиня». Обычно, чаще всего, он приходил к нам в осенне-зимнее время, когда была холодная погода. Со словом «Пиня» я познакомился намного раньше, чем в первый раз увидел самого Пиню. С Пиней меня иногда сравнивала мама, находя в моих карманах много нужных мне предметов, или когда я чем-нибудь испачкаюсь, или неряшливо оденусь. «Ну, как Пиня, набил карманы всякой ерундой» или «Оделся, как Пиня!» – говорила она. Подъезд нашего дома, обращённый на улицу Ново-Садовую, отличался от многих других тем, что он был просторным и лестница проходила вдоль его стен, а центральная часть, составляла свободное квадратное пространство, и на широкие площадки этажей выходили двери всего двух коммунальных квартир. Сами площадки были более трёх метров по ширине, а по длине такие, что умещали целых три высоких окна выходящих на улицу с простенками между ними. Наш дом был, так называемой, «сталинской планировки», построенный ещё в конце 30-х годов и потолки в комнатах были высокие, а в подъезде, на нашей площадке, вообще высочайшие. Видимо, поэтому Пиня и отдавал предпочтение именно нашему подъезду, и особенно нашему, последнему – пятому

этажу, чтобы другие жители, по пути к своим квартирам, его не беспокоили. Поэтому на площадке нашего этажа, мы и часто встречали Пиню. Где-то в своём детском подсознании я понимал, что Пиня – хороший человек и я его не боялся. Мне его было

жалко. Соседи особой радости от встречи с ним не разделяли, но все относились к нему, как это сейчас модно говорить – «лояльно», по-старому – просто терпимо. Конечно, воздух возле

его уголка, который он занимал рядом с батареей водяного отопления под окном, со стороны нашей квартиры №10, не отличался ароматом, но и не вызывал особого затруднения. И даже, скажу больше, мы к нему все привыкли. Дело в том, что на первом этаже нашего дома, по соседству был магазин, на котором было написано «Бакалея – Гастрономия», но который все называли «ИТЭэровским», почему так – я не знал. А узнал уже намного позже описываемых событий и расскажу об этом далее. А пока, продолжу об ароматах. Так вот, многие после посещения этого магазина и приобретения горячительных напитков, заходили именно в ближайший подъезд и, к сожалению, не только потому, чтобы пропустить по рюмочке, но иногда, скажем так, в поисках туалета. Поэтому в сравнении с теми запахами, которые охватывали жителей нашего дома, при входе в подъезд, запах, приносимый с собой в свой уголок Пиней, был вполне допустимый нашему обонянию. Он обычно раскладывал свои вещи на плиточном полу, доставал из своих сумок нехитрые продукты, которые ему давали за день, и, расставив и разложив всё на подоконнике, потихоньку ел. Там было всё, и хлебные куски, и фрукты, и овощи, и бутылки с молоком или просто с водой. Ел он, обычно, очень медленно, тщательно пережёвывая пищу. А может быть у него были просто плохие зубы и иногда его трапеза растягивалась надолго. Потом он укладывался спать. Думаю, на нём было не одно пальто, чем-то похожее на шинель, а ещё два плаща, не считая другую одежду. Именно их то он и подкладывал под себя. На ногах зимой у него были валенки с калошами или боты, а на голове что-то подобное военной шапки-ушанки или старый треух. А ближе к лету, он носил засаленную фетровую шляпу, а иногда, в холодную погоду, поддевал под шляпу вязаную шапочку. На ногах – дешёвые суконные ботинки на крючках. Спал он в своём пальто, укутавшись в него полностью, почти «подкатившись» к батарее.

Когда жильцы приходили домой поздно вечером, они старались вести себя тихо, чтобы не потревожить Пиню, хотя я не думаю, что сон его был настолько уж глубок. В подъезде несмотря на отопление, всё равно зимой было прохладно. Дуло и из окон, и из двери, ведущей на чердак. Иногда Пиня просил налить ему воды, но никогда не было просьбы пустить его умыться или сходить в туалет. Он просто ночевал на площадке этажа, у нас в подъезде.

В нашей квартире обитало четыре семьи: прямо напротив входной двери жили Овчинниковы – Анна Степановна (Степаниха, как её называла в сердцах мама, во время частых коммунальных разборок) и её дочь Валентина. А претензии друг к другу и разборки были почти каждый день. То кому-то показалось, что использовали их мыло или вытирались их полотенцем. То претензии к заляпанной конфорке (ведь у каждого на четырёх конфорочной газовой плите, стоящей на кухне, была «своя» конфорка, как и свой стол и кухонный шкаф). То претензии к уборке и мытью полов (места общего пользования убирали все по очереди, причём, каждая неделя уборки равнялась одному человеку, проживающему в семье – то есть, если семья состояла из трёх человек – то она убиралась три недели). Ну и мало ли было каких других каждодневных претензий и вопросов, которые могли спровоцировать споры и скандалы.

Правда, Валентина, её дочь, во всех этих разборках сохраняла нейтралитет и участия в спорах особо не принимала. Работала она на заводе Масленникова, где-то в отделе точных приборов или метрологии и трезво и спокойно оценивала всё происходящее, в отличие от её мамы, которой эти «войны местного значения», видимо, доставляли удовольствие и разнообразили жизнь 70-летней женщины.

С Валентиной Ивановной у нас как-то сложились более доверительные отношения, наверное, ещё потому, что она понимала то, что её мать, тоже не подарок, сама не всегда была права, порой «накручивая» мелочи до ссор. Ну, и потом, она лучше нас знала её характер и также с ней спорила, не находя общих точек соприкосновения по многим вопросам. Кстати, о Валентине Ивановне, вспоминается такой случай. Это было в послевоенное время. То ли она прогуляла всю ночь, то ли по другой причине, просто она проспала на работу. А времена были строгие – опоздание несло за собой серьёзные последствия. И она пошла на то, что нагрела до кипения черпак воды и этот кипяток вылила на свою руку. В больнице объяснила, что случайно обварилась из чайника, за завтраком. Ей выписали справку о временной нетрудоспособности, и проблема с опозданием была решена. Уже позже, через несколько лет, когда я повзрослел, мы с ней стали хорошими друзьями, общались по многим вопросам, устраивали «чемпионаты» нашей квартиры по игре в домино, в котором участвовали: она, её муж – Анатолий, я и дядя Саша, сосед, о нём, будет рассказано далее. Ходили зимой на лыжах за

Волгу, гуляли в загородном парке, а летними вечерами часто сидели на балконе, любовались перспективой правобережья Волги, Жигулёвскими горами, закатом, купающимся в мягком рассеянном свете, отражённом в воде от сияющего желтовато-оранжевого, розоватого неба в лёгких облаках. Тётя Валя расчёсывала волосы и тихо пела шуточные песни. Ну что-то вроде этих: «...Я сижу на дне окопа и имею бледный вид. У меня промокла что-то, потому что моросит – Дождик! Дождик!У Ивана Лукича, где-то воткнута свеча. Ты гори, гори свеча у Ивана Лукича...» или – «...Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака. С колокольни флагом машем, разгоняем облака...»

Направо по коридору проживали Вахреевы: дядя Коля и тётя Клава. Николай Иванович работал на авиационном заводе и каждый будний день уезжал на работу на служебном автобусе. А его жена – в военном госпитале, что был расположен на месте бывшего мужского Никольского монастыря на улице Осипенко. Это тоже были соседи, которые никак не могли найти общего языка с мамой... или мама с ними. Бывало, споры, порой не всегда проходящие в рамках нормативной лексики, доходили до применения физической силы, обычно, по отношению к Николаю Ивановичу, и, порой, здесь отрезвляющим аргументом являлась увесистая скалка, которой мама раскатывала тесто по праздникам и воскресеньям. Кстати, эту же скалку она вставляла в ручку двери, особенно после ссоры, опасаясь внезапного вторжения в нашу комнату «врагов», проживающих с нами через стенку. Дядя Коля, даже, по-моему, был участником войны, во всяком случае на его правой лопатке, сзади со спины был шрам, видимо, от пули. Причём, все ссоры возникали, как правило, опять на бытовой почве и всегда с подачи его жены – Клавдии. Но, не могу не отметить и того факта, что несмотря на наши ссоры, когда Вахреевы возвращались в летние воскресные дни с дачи, тётя Клава всегда, встретив меня на общей кухне, угощала то сливами, то грушами, то яблоками. К слову сказать, даже если соседи и спорили, и ругались по разным поводам, но всё равно между ними сохранялись какие-то связывающие их узы, не позволяющие им разрывать полностью, как говорят политики – дипломатические отношения между собой, может оттого, что поколение было другое – то – пережившее войну. Даже, например, если мама по воскресным дням пекла пироги или плюшки, она почти всегда угощала соседей, оставив им угощение на кухне – на их столе, на их тарелке. А Валентина Ивановна (тётя Валя) часто просила мою

маму налить ей бокал кофейного напитка «Ячменный колос», который мама варила вместо настоящего кофе. Хотя Валентина Ивановна была в этом плане гурман и готовила себе кофе, перемолов зёрна в кофемолке... Кстати, не один иностранец так никогда и не поймёт, как можно получать кофе из ячменя. Это не объяснимо и непереводаемо точно так же как невозможно их умом понять высказывание – «слепой дождь...»

Дальше по коридору, с противоположной стороны от нашей комнаты, возле туалета, была комната Силантьевых: Александра Максимовича и Нины Сергеевны. Дядя Саша тоже работал на заводе, где-то в издательстве заводской многотиражки «Зимовец» (то ли печатником, то ли наборщиком), а тётя Нина в бухгалтерии одного из цехов завода. Эти соседи были нашими союзниками в «междоусобной» борьбе с коалицией Вахреевых-Овчинниковых. Ну, по крайней мере, с ними можно было обсудить действия «противника», пожаловаться на их неадекватное поведение и «перемыть» все их косточки. Нина Сергеевна, порой помогала мне разбираться с заданными на дом задачами по математике, хотя как-то она решила одну из задач в четыре действия, а можно и нужно было в три. А дядя Саша постоянно мне давал читать интересные книги, которые в библиотеках в ту пору, взять было просто невозможно. На 9 Мая он надевал костюм со множеством медалей и уходил на встречу с однополчанами. Вообще он был очень зависим от мнения своей жены и был просто трепетен по отношению к ней. Я ни разу не слышал не то, что грубого, даже недовольного слова в её адрес. Обычно он приходил с работы раньше жены и начинал варить щи. А Нина Сергеевна, возвращаясь домой, по характеру была страшная «чистюля», выносила по очереди в подъезд вещи дяди Саши, начиная с носков и кончая пиджаком и всё вытряхала. Иногда Пиня, уже устроившийся в своём уголке с вниманием и удивлением наблюдал за этими действиями. Правда, и отношения мамы с Ниной Сергеевной тоже иногда были прохладными. Видимо, всё же трудно было ужиться в коммунальной квартире всем четырём хозяйкам. И помню случай, когда Нина Сергеевна была дежурной и мыла утром в коридоре пол, а накануне они с мамой тоже разошлись во взглядах на что-то и в отношениях их был холодок. Я же катался на маленьком трёхколёсном велосипеде в том же коридоре. Незаметно, как мне казалось, подъехал со спины тёти Нины и плюнул в стоящее слева от неё ведро с водой. Ну, видимо, тоже хотел выразить свою позицию. Но тут был уличён в

содеянном; и мама и Нина Сергеевна это видели, но не поругали, а напротив, посмеялись надо мной и помирились. Я продолжал кататься на велосипеде, мешая соседям и путаясь у них под ногами. Они ворчали, но тётя Валя всем говорила: «Это ещё ничего, что велосипед, подождите, вот купят ему машину». И как в воду глядела. Скоро, велосипед мы кому-то отдали и для того, чтобы утром убраться в нашей комнате, мама выдворяла меня в общий коридор, покатавать машину, которую мне подарили на день рождения. А машина-то была большая – грузовик и вся, включая колёса, из железа. Как помню синего цвета. И вот, в воскресный день, где-то около семи часов утра, я уже катал её в коридоре, начиная от балкона и до его конца, возле кухни, проезжая мимо входной двери и соседских квартир с визгом и скрежетом всех её четырёх железных колёс. Я думаю, что вздрагивал даже Пиня, спящий в подъезде. Вот, примерно от таких моментов и поучались все скандалы в коммунальной квартире.

Но ко мне относились все нормально, даже сама Анна Степановна (Степаниха) разрешала лежать на кухне в «их» углу на своём сундуке, под часами с гирьками, по которым я ждал маму со второй смены с работы. Стрелки почему-то двигались очень медленно, особенно ближе к двенадцати и, порою, я засыпал...

По рассказам жителей города, вообще, Пиню чаще всего встречали на старых улицах Самары: Чапаевской, Фрунзе, Куйбышевской, Ленинградской, Самарской. Любил он ходить и на Хлебную площадь. Там был продуктовый рынок, и местные продавцы никогда не отказывали в еде юродивому. Подкармливали его и на Троицком рынке. Торговцы давали ему продукты, поили молоком и говорили: «Пиня, зачем ты таскаешь с собой еду, приходи на рынок в любое время, мы будем тебя кормить». Он часто навещался в синагогу и даже подолгу жил там и кормился от маленькой самарской религиозной общины, но и, конечно, кормили его тогда и жители двора, окружавшего синагогу. Их Пиня знал даже по именам. Иногда, стоя во дворе, кричал: «Фаня, чаю!» А уж по еврейским праздникам его всегда ждал большой кусок нежнейшего торта домашней выпечки, сладости и другие вкусные блюда. Как-то в синагогу пришёл какой-то еврей, который сказал, что он только что освободился из тюрьмы и добирается до Астрахани. Пиня открыл свой сундук и вытащил оттуда свою единственную чистую и целую рубашку.

Поскольку еда, и вообще продукты много значили в жизни Пини, то, решал нелегкую для обычных людей проблему питания убогий Пиня очень мудро, в полном соответствии с известной поговоркой: «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей». Короче говоря, он питался во многих семьях, в основном еврейских. Не было, наверное, ни одного двора в Самарском районе (в Ленинский район он заходил реже), где бы ни побывал Пиня. У него было нечто вроде графика посещений: в понедельник он столуется у Рабиновичей, во вторник у Левиных, в среду у Залмановичей, в четверг у Гольдфайнов и т.д. И не смотря на голодные военные годы и не шибко хлебосольные послевоенные, не было случая, чтобы кто-то отказал Пине, если он, заходя поутру в коридор выбранного им дома, молча стоял, ожидая, когда его покормят. Вряд ли Пиня читал Булгакова, но действовал строго по завету Воланда: «Никогда ничего не просите. Сами предложат, и сами всё дадут».

На городском транспорте Пиня ездил бесплатно, вставляя в петлицы пальто старые автобусные и трамвайные билеты, реже номерки от банных тазов (Мир не без добрых людей, и кто-то из них водил его мыться в баню. Он сам посещал парикмахерскую на Куйбышевской улице и его там подстригали бесплатно, и даже, с его согласия, подкрашивали усы). А на транспорте его никогда не штрафовали, так как, во-первых, с него нечего было взять, а во-вторых, при виде по-детски невинных ясных глаз Пини и старого трамвайного билета в петлице, сердиться было нельзя.

Именно этот факт, что ему легко было доехать на любом номере трамвая из центра до трамвайного кольца, что у Оврага Подпольщиков, возле которого и находился наш дом, а также то, что синагогу периодически контролировала городская санэпидемстанция, которая, вполне могла обнаружить спящего на своих сумках под лестницей Пиню и составить акт о нарушениях, оштрафовав синагогу и объясняли причины появления его в нашем доме, в нашем подъезде и на нашем этаже. А почему именно в нашем доме? Просто стоящие рядом два дома были общежитиями и не подходили ему для проживания из-за их шумных длинных коридоров и узких подъездов.

А, возможно, после суеты центральных улиц, его привлекала зелень и тишина района, где можно побродить среди домов, образовавших замкнутые дворы, с ледниками и сараями в середине, в которых сохранилась очень уютная атмосфера. Район, вблизи Оврага Подпольщиков (Постникова оврага), с домами по

улице Ново-Садовой, в прошлом, не только как первый из самарских микрорайонов, но ещё и был одним из первых образчиков жилья класса «люкс» и приютом для иностранных специалистов. Отсюда начинался городок часовщиков – его часть на улице Часовой и вокруг представляла большой интерес. Здания, построенные в середине 30-х годов для руководства и инженерного состава завода имени Масленникова, были спроектированы в период перехода от конструктивизма к сталинской архитектуре и поэтому соединяли в себе черты обоих стилей. Где-то больше конструктивизма, где-то бросались в глаза элементы сталинского ампира. Район был спроектирован и построен очень цельно. Помимо жилья тут были продовольственные магазины (Вот и стало понятно почему магазин «Бакалея – Гастрономия» на первом этаже нашего дома назывался у жителей в обиходе – «ИТЭзовским» – то есть – для инженерно-технических работников) и промышленные магазины и школа, а в квартале отсюда располагались заводской здравпункт и библиотека, а на месте нынешнего трамвайного кольца размещался рынок. Одним словом, комплексная застройка. В тридцатые годы такого

еще нигде в городе не было; проспекта Масленникова и заводских районов не существовало, везде только достраивались и надстраивались дома. На первом и втором этажах размещались кафе и «торгсин» (магазин торговли с иностранцами).

В советское время такие магазины назывались «Березка», торговали там по лимитным картам или за валюту. После войны иностранцы уехали, а квартиры превратились в коммуналки. При этом, по воспоминаниям жильцов, соседи жили дружно, ходили друг к другу в гости, устраивали субботники, высаживали во дворе цветы. И завершал этот район ещё один памятник социалистического быта – общежитие завода на углу улиц Скляренко и Николая Панова. Словом, у меня есть полное основание предположить, что и по нашему Октябрьскому району тоже прокладывал свои пути, Пиня Гофман, по мнению одних –

нищий, других – городской сумасшедший, третьих – блаженный, известная личность и настоящая легенда. И сейчас, из сегодняшнего настоящего, вспоминая события тех далёких лет, начала 60-х, мне отчего-то приятно сознавать, что я встречался с этим человеком.

Почему именно Пиня пользовался наибольшей симпатией жителей старой части города в 40-70-е годы прошлого века, ведь в Самаре всегда хватало уличных сумасшедших и убогих? Это и Мария Петровна Саркисова, получившая кличку «Кислый лимон»

По одной версии за привычку морщить лицо. По другой – из-за нароста на лице. Она запомнилась своей агрессивностью и отталкивающим внешним видом, а также любовью к азартным играм. Это и сумасшедший Юра Левачёв, который в

годы войны ещё подростком работал на Жигулёвском пивзаводе, а потом заболел менингитом у него нарушилась координация движений, и он тронулся рассудком. Юра был известен тем, что вслед идущим на набережной девушкам делал из пальцев пистолет и громогласно с криком «Па!», изображал выстрел. Это – Ольга Свинцицкая, бывшая балерина, которая «обитала» у многочисленных ларьков на пересечении Красноармейской и Галактионовской улиц. Зарабатывала на жизнь танцами, за которые прохожие давали ей милостыню. Свинцицкая считала себя помимо всего прочего колдуньей, а в тёплое время года частенько ночевала на кладбище.

Но именно Пиня Гофман остался в памяти горожан. Что же в нём было такого особенного? И сейчас, наверное, необходимо рассказать о тех известных и иногда, противоречащих друг другу фактах, о самом появлении Пини в Куйбышеве (Самаре).

Каким же на самом деле был легендарный Пиня Гофман или по другим данным Пинхас (Пинхус) Гойфман? Представьте себе мужчину неопределенного возраста, небольшого роста, довольно грузного, с брюшком, с большим горбатым носом и оттопыренными

ушами, очень сутулого, с впалой грудью и втянутой в плечи головой, которая, как у всякого правоверного еврея, всегда была покрыта: в летнее время засаленной фетровой шляпой с опущенными полями, а зимой списанной военной шапкой-ушанкой или просто старым треухом. Рассказывают, что он одевался во всё, что у него было, и сразу. Он был как живой кочан капусты: мог носить на себе, к примеру, один на другом три старых плаща. Поэтому многим маленьким девочкам он напоминал такой большой передвигающийся абажур. На его старых кривых ногах всегда были дешёвые суконные ботинки типа «прощай, молодость» на крючках — это летом, и валенки с калошами или боты зимой.

Он брёл, вечно куда-то переваливаясь и не торопясь, с раздувшимися карманами широкого тёмного изношенного пальто или плаща, в тёмной бесформенной шапке, иногда с палкой — и всегда с доброжелательным и немного хитрым выражением лица. Если его приветствовали или просто встречались с ним взглядом, он, как правило, негромко свистел. Кроме выраженного слабоумия, несчастный страдал, если можно так выразиться, двигательным психозом: он должен был всё время двигаться. Правда, как оказалось впоследствии, благодаря этой своей особенности он прожил очень долго. Своей неповторимой походкой он передвигался очень медленно, потому что в руках при себе всегда держал всё свое имущество — две набитые продуктами хозяйственные сумки. Есть свидетельства, что кроме сумок Пиня носил под плащом, на поясе, небольшие мешочки с содержимым сыпучего свойства. То ли крупы там были у него, то ли песок, но хотя бы в одном таком мешочке непременно камушки. Этот факт подтверждают очевидцы, которые нередко заставляли Пиню за киданием маленьких камушков, которые он задумчиво доставал из гремучего мешочка. Забавно, что именно добрейшим Пиней чаще всего пугали непослушных детей.

«Вот сейчас Пиня тебя в мешок посадит и унесёт», — грозили родители своим шаловливым чадам. А нелепость Пини просто вошла в поговорку: до сих пор можно услышать из уст самарских стариков: «Ну что ты ведёшь себя, как Пиня?..» или: «Вырядился, как Пиня!..» Вырядиться, как Пиня, означало нацепить, например, на брюки шорты или две майки друг на друга. Люди, особенно женщины, жалели Пиню, считая его Богом обиженным. Кроме того, подать милостыню или приютить юродивого испокон веку считалось на Руси хорошим тоном и

залогом будущих удач. Впрочем, жители Самары не анализировали своих поступков, а просто всегда протягивали руку помощи больному, убогому, слабому.

Представьте себе, он был равнодушен к прекрасному полу об этом говорят многие, но знаки внимания выражал как-то уж очень нетрадиционно. Он не мог петь красоткам серенады (обделив его во всем, Бог не дал ему ещё и красивого голоса), но он мог осторожно прикоснуться, легонько ущипнуть, дёрнуть за одежду, даже взять за локоток как бы прося обратить на него внимание. Поэтому часто свистел вслед красивым девушкам или молодым женщинам. А иногда, если шёл позади женщины, то забегал вперёд и свистел ей в лицо. Но подсвистывал он красивым женщинам – тем, кого считал приятными и обворожительными. Рассказывают, однажды на улице Николаевской одна дама закричала другой: «Юля! Ты же совсем старая!» А подруга, в ответ на эту реплику произнесла: «Какая же я старая, если мне ещё Пиня подсвистывает?»

Сколько лет ему было – никто не знал. В каком-то неопределённом возрасте. Сколько помнится, он, как был старик, так и не изменился – всё на одно лицо.

А ещё ему нравилось гоняться по двору за маленькими детьми, и, если они его пугались, улыбаясь, говорил им: «Шутю». Дети, соревнуясь в смелости друг перед другом, кричали ему: «Пиня, привет!» А он, если чувствовал дружелюбную интонацию, лишь добродушно свистел в ответ. Иногда дети и подростки сами бегали за ним, распевая дразнилку: «Пиня, Пиня, Пинюшка-простофилюшка!» Когда это утомляло или раздражало его, он останавливался, молча – выставлял вперёд руку и тыкал ею в пространство, никого не трогая. И это почему-то сразу успокаивало озорников, рассеивало их, как стайку назойливых комаров.

Если вдруг случалось Пине сталкиваться с чужаками и те начинали его гнать (коренные самарцы так никогда не поступали), Пиня пугал: «Пинька, Пинька вам покажет» или «Вот кину щас, вот кину щас, вот брошу щас и кину». Но, дальше этих заклинаний и плевков на себя самого, дело у Пини не шло – Пиня не был агрессивным. Он был добродушен, и это было написано у него на лице. Когда его спрашивали, что в его в сумках, с которыми он не расставался, он скороговоркой отвечал на идиш – «дос из майн зах!» (это моё дело). В том смысле, что «не ваше дело».

Нередко Пиню заставляли на стадионе, что соседствовал с Воскресенским рынком (ныне Самарская площадь). На стадионе

стояли две длинные-длинные скамейки, на которых во время матчей дворовых команд сидели многочисленные и очень активные болельщики, и Пиня сидел среди них, произнося фразы, некоторые из которых пошли в народ, да так в нём и остались.

«Говорил вам Пиня: городите бутсы», бормотал, скажем, юродивый, и завсегда таи стадиона просвещали несведущих: «Пиня недоволен игрой, и «городить бутсы» означает на «пинином» языке правильно ставить «стенку» во время штрафного – «бутсы к бутсам».

По негласному закону Пиню никому не дозволялось обижать, редкие его обидчики бывали жестоко биты свидетелями «безобразия». Однажды у пивного киоска на углу Чапаевской и Ленинградской, Пиня, идя из синагоги, зачем-то подошёл к очереди.

Кому-то он не понравился и ударом в лицо был сбит с ног (много ли надо старому Пине?). Тут же за старика вступился какой-то здоровенный двухметровый детина из той же очереди: «Ты за что Пиню ударил, гад?» Его тут же поддержали ещё два-три мужика из очереди. Но тут произошла удивительная вещь: пострадавший Пиня поднялся с земли и стал заступаться за своего обидчика. Многие ли «нормальные» люди поступили бы так же?..

Пиня был спокойным и добродушным человеком и никогда не внушал страха, как это порой бывает с сумасшедшими. В чертах его лица была мягкость и доброта, но мог и показать – издали язык или кулак. Но даже маленькие дети его не боялись. Наоборот, казалось, что они понимали его лучше, чем взрослые. И знавшие Пиню старики припоминают, с каким любовным вниманием этот слабоумный старый еврей, по-своему трогательный и, в сущности, беззащитный, наблюдал за игрой детей и улыбался, слушая их смех. Не потому ли, что сам в душе остался ребёнком? А может быть, он видел в них своих неродившихся детей? И вместе с тем, встречаясь иногда с внимательным взглядом его светлых глаз, некоторые испытывали замешательство. В его взгляде вдруг на какие-то мгновенья

появлялось нечто странное, потустороннее, непонятное большинству окружающих его «обычных» людей.

Как-то вечером в нашей квартире поднялся содом. Но это был не скандал, это было что-то другое. Вдруг все сразу засуетились, забежали и захлопали дверями, хотя времени было уже около девяти часов вечера. Что же могло случиться? Оказалось, всё просто, и очень даже интересно. К нам стучался Пиня. Да! Да! Именно, Пиня. Он, как обычно, решил эту ночь провести у нас на площадке, приехал, расположился, поел, прилёг. Но уснуть у него не получилось. Ему помешали два парня, которые топали по лестнице и ворвались на наш, пятый этаж с какой-то коробкой в руках. По его словам, они второпях рассовывали по карманам шоколадки, но те уже не лезли в карманы и падали на лестницу. Они пробежали с коробкой последний пролёт к выходу на чердак и взяв ещё по пачке шоколадных плиток, засунули куда-то себе, уже за пазуху, а коробку, наполовину наполненную шоколадом, бросили возле лестницы, ведущей на чердак. Видимо, они или опасались погони, или уже видели, что их проследили, когда они нырнули в подъезд, выбежав из магазина с украденным шоколадом и решили замести свои следы. Да и бежать с грузом уже было и неудобно, и тяжело. Они по чердаку, видимо, собирались пройти и спуститься в другом, дальнем подъезде дома. Пиня это прищурившись видел и когда всё утихло подошёл к коробке. Она наполовину была заполнена шоколадом «Люкс». Пиня постучал к нам в десятую квартиру, потом напротив – в девятую, снова к нам – и её, наконец, открыла Анна Степановна. Пиня как мог рассказал ей о случившемся. Тут на шум и гам вышли соседи и из девятой квартиры. Стали решать, что делать с коробкой. Некоторые предлагали разделить оставшийся шоколад, всё объясняя тем, что никто из них его не воровал, а, вроде как, просто нашли. Мало ли кто потерял, да и потом, кто решил, что эту коробку своровали, может купили, да и всё. Но Анна Степановна, как член КПСС, не могла пойти на попустительство политически неграмотных и морально распущенных людей в то время, когда у нас в стране были перебои и трудности с хлебом, маслом, яйцами, молоком, сахаром, мукой, крупами. Ну словом всем, кроме кукурузы во всех её проявлениях. Поэтому она считала единственно правильным решением, спуститься в наш «ИТЭэровский» магазин и всё узнать. И если украли у них – сразу же позвонить в милицию. Некоторые соседи зароптали: «Ну хоть

по шоколадке-то, может, возьмём, кто знает, сколько «воры» с собой унесли?» «А вот милиция и узнает, когда посчитает – сколько в карманах у воров, сколько здесь в ящике, а продавец скажет – сколько всего должно быть. Отминусуют и сразу поймут, что остальное взяли мы», – парировала наш местный коммунист Анна Степановна. «Да ещё обвинят вас, – и обвила пальцем всех, – в соучастии и вы с ними по одной статье пойдёте, как подельники», – завершила она свой приговор. Соседский народ недовольно загудел и стал постепенно ретироваться, а Пиня с расстройства снова решил поесть и зазвенел своими бутылками и банками. Этим он привлёк внимание соседей по площадке: дядю Лёшу с его женой тётёй Нюсей, которую он постоянно почему-то называл: «Нуся!». «А ты чего тут разложился? Нашёл бесплатную гостиницу!» – прикрикнул он на Пиню. Пиня молчал и хлопал глазами. Но тут Валентина Ивановна яро вступилась за него: «Он на нашей половине площадке, возле нашей квартиры и нечего тут командовать – он у нас в гостях и потом, мы сейчас милицию будем ждать – он же, как никак, – свидетель преступления». «Попробуйте только его прогнать – я расскажу милиции о то, что вы, покрывая преступников, убрали главного свидетеля, – тётя Валя тоже, как и её мама, за словом в карман не полезет и добавила – Что в «кутузке» ночь хотите провести?» Дядя Лёша,

злобно вращая глазами, молча ушёл с женой домой.

Анна Степановна спустилась с Николаем Ивановичем в магазин и, как оказалось, рассуждения её были верными и сотрудники магазина вызвали милицию. Милиция приехала быстро, задавала несколько вопросов,

пробыла недолго и также быстро уехала, забрав коробку. «Ну вот, – ворчала тётя Маруся из девятой, – в магазине уже всё списали, шоколад увезли, сейчас поделят между собой, будут есть и над нам – честными дураками смеяться». «Из всего сказанного, – продолжила её соседка тётя Пана, – одно слово мне понравилось и как-то успокоило – «честными». И, обращаясь к маме,

предложила: «Идём ко мне Валя, телевизор посмотрим, сейчас «картина» хорошая идёт – «Два бойца», бери Сергея и приходи». У нас телевизора не было, поэтому мы часто ходили смотреть телевизор к тёте Пане, да и не только мы, но и другие соседи тоже, особенно тогда, когда её муж был во вторую смену. Я сидел в кресле мужа тёти Паны, прижавшись щекой к кадке с пальмой, стоящей на столе и думал о происшедшем и вообще.

Молодец, Пиня, честный нищий! Ну мы тоже честные, хотя, конечно, такие большие шоколадки я никогда не ел. Так, маленькие-маленькие

«Сказки Пушкина» в садике по субботам давали, перед уходом домой. В субботу был день короче, и мама меня забирала раньше. Шоколадки обычно лежали в большой тарелке, которая стояла на нижней полке буфета и, как привило, обязательно – одна, две

из всех шоколадок отличались по обёртке. А брать их можно было только тогда, когда за кем-то уже приходили. И кто-то, обычно, из девочек, старались забрать именно те, которые не как все остальные и постоянно подходили к тарелке и прятали их вниз под все другие. И, если за ними приходили родители одновременно, каждая бежала к тарелке и старалась взять ту единственную, особую и тут уж крика и слёз было немерено. А ещё каждое утро, когда мы шли в садик, всегда заходили в «наш магазин» – он открывался рано, в семь часов, и мама мне покупала на 5-10 копеек разных конфет: или 2 шоколадные, или пакетик леденцов, или «горошка». Это чтобы мне было веселее идти и не было грустно весь день.

А Пиня молодец! А ведь завтра как раз суббота, если нам будут давать шоколадки, я попрошу маму, если он придёт, отдать ему мою шоколадку. Пиня – он хороший!

Пожалуй, в Пине было что-то от библейских отшельников, годами живших в пещерах или в пустынях, от безумцев, бродивших по пыльным городам и весям древнего Израиля. Быть

может, одинокий и несчастный Пиня с его древнееврейским обликом, с его крупными, словно высеченными из иерусалимского камня чертами лица не всегда был сумасшедшим, разговаривающим с людьми преимущественно на «птичьём» языке? И его образ жизни – это скорбная и жалкая карикатура на его прошлое? А прошлое его трактовалось по-разному. Что он родился и рос в обычной еврейской семье: мать, две сестры. Но в детстве в голодной Самаре он перенёс менингит с осложнением на мозг. Потом мать умерла, сёстры куда-то уехали, и Пиня со своим детским развитием остался совсем один...

Ещё, известного блаженного – Пиню Гойфмана называли «Пиня Гойфман – король подтяжки», потому что у него была одна единственная подтяжка, перетягивающая всю его грудь справа налево, почти как у партизана. По слухам, до первой мировой войны был он австрийским поданным. Потом попал в плен, оказался в России, в Самаре. На родине в Австрии он был очень богатым человеком – ювелиром. А потом сошёл с ума – от того, что все его ценности остались в Австрии, и привезти их в Россию он не мог. Он таскал кирпичи в сумках. И всем прохожим говорил, что это золото...

А существует и другая легенда, что в послевоенные годы Пиню как английского шпиона «замели» гэбисты. На все вопросы в гнусных подвалах самарской «Лубянки» тех лет ребе Гофман отвечал одно и то же: «Дос из майн зах» («Это моё дело» – на идиш). Пиню не забили насмерть «вертухаи», не «кокнули» в затылок на рассвете, не сослали на Колыму или Соловки. Пиня одолел самарскую «Лубянку». Его отпустили целым и невредимым: «гэбисты» выписали психотерапевта из Москвы, который сделал заключение, что у Пини детский ум...

По некоторым сведениям, Пиня, а вернее – Пинхас (Пинхус) родился и вырос в еврейском местечке в Польше. 1 сентября 1939 года началась вторая мировая война, и немцы вступили в Польшу. Фашисты на глазах у Пинхаса убили его отца, мать, двух сестёр, младшего брата. И только ему по какой-то счастливой случайности удалось убежать в лес. Там потерявший рассудок от горя Пинхас скрывался несколько недель, голодал, пока его, совершенно обезумевшего от перенесённого потрясения и страха, страшно исхудавшего, не обнаружила случайно семья еврейских беженцев, которые, спасаясь от немцев, бежала из Польши в СССР. Он был в невменяемом состоянии, только бормотал, что всех убили, что его зовут Пинхас Гофман. Они-то и взяли с собой несчастного

Пинхаса, совершенно свихнувшегося от горя, в Самару. Они кормили его в дороге, ухаживали за ним, как за родным, называли своим сыном. Приехав в Самару, они отдали бедного Пиню в синагогу на улице Чапаевской. К слову сказать, это был самый первый иудейский молельный дом в Самаре. Построенный в 1880 году, он не закрывался даже в годы расцвета антирелигиозной политики государства. Есть версия, что надёжный тыл синагоге на Чапаевской обеспечивали покровители в высших эшелонах городской власти. Здесь его приютили добрые люди – староста синагоги и его жена. Немного оправившись от своего горя, Пиня начал бродить по самарским улицам старой части города...

Ну и, наконец, более известная версия его появления в Самаре и вообще в нашей жизни. Говорят, что много лет назад ювелирных дел мастер Пинхас Гофман работал в соответствующей мастерской на хозяина и мечтал о собственном магазине. Мечта его сбылась: во времена так называемого «Угара НЭПа» Пинхас Гофман стал владельцем ювелирного магазина, который располагался в доме на Панской (Ленинградской). Витрины его магазина были украшены изящными дамскими часиками, цепочками, браслетами, кольцами и колье с драгоценными камнями. Страшное случилось после того, как НЭП закончился. Лавку Пини национализировали, а украшения отобрали в пользу советского государства. Такого поворота мечтательный Пиня не выдержал, и сошёл с ума. Некоторое время он ещё где-то подрабатывал, во время войны сильно голодал, жил при синагоге.

Он окончательно погрузился в сумасшествие, ходил по старой Самаре в каких-то лохмотьях, с самодельной холщовой сумкой через плечо и с палкой в руках. Только две навязчивые мысли остались в его голове – о том, что он, Пиня-торговец, и о запасах провизии на случай голода. Он приходил к синагоге зимой и летом, в одной и той же шинели с кирпичами в авоське. Кирпичи он считал за золото и надеялся с их помощью выехать на Родину в Австрию. Еврейские семьи делились с несчастным последним. Бродя по улицам старой Самары, Пиня постоянно собирал камушки, складывал их в карманы. Когда Пиня наклонялся камушки рассыпались, и старый ювелир плакал от огорчения. Набрав «товар», Пиня раскладывал его на небольшой тележке и начинал торговать. Золотых дел мастер размахивал руками, ловил за полу воображаемых покупателей и что-то тихо и убедительно бормотал себе под нос. Запасы провианта Пиня пополнял,

выпрашивая еду у прохожих или подбирая остатки. Ему охотно подавали, особенно женщины – они жалели Пиню. Ел он пищу жадно. Что не мог съесть сразу – закапывал в «тайники» близ улицы Ленинградской...

Но беда пришла, как всегда, не с той стороны, с которой её ждешь: в синагоге каждый год весной перед весёлым праздником еврейской Пасхи, связанным с освобождением древних евреев из египетского рабства, пекли мацу. Иногда этот процесс контролировала городская санэпидемстанция, и в ходе очередной проверки её сотрудники обнаружили, что рядом под лестницей дремлет грязный Пиня. И тогда они составили акт о нарушениях, оштрафовали синагогу и запретили Пине здесь жить. Отстоять старика не удалось, и беднягу отправили в дом для престарелых под Сызранью. Говорили, что несколько раз он пытался бежать оттуда в Самару, на родную Чапаевскую улицу. Его ловили и возвращали. А он снова пытался бежать.

Последние годы жизни Пиня выглядел неважно, совсем состарился, побледнел, не запрыгивал посидеть отдохнуть на подоконники, а только опирался на стены, свист не получался, хотя Пиня по привычке пытался свистеть. Потом Пиня вообще пропал, соседи спрашивали друг друга: «А где Пиня, что-то Пини давно не видно было». Вскоре, в конце 70-х, Пиня умер. И умер где-то в пути, по дороге в свой город. Умер, а может не умер, а просто тихо ушел в лучший из миров.

Не вынес разлуки с Самарой, не вынес отлучения от старых дворов, с которыми Пиня так сроднился, и ушёл. А к нему так привыкли, его даже, жалея, полюбили, и всем казалось, что он будет жить вечно. И стало вдруг понятно, что **доброта, сострадание и желание помочь хранили не только Пиню, они всем нам помогали выжить в те мрачные годы, сохраняя в нас людей. Вот ведь как получается в жизни – сначала тебя не замечают, потом смеются над тобой, затем борются с тобой. А потом ты побеждаешь – время, обидчиков, историю...**

И вот теперь, оглядываясь на далёкое дворовое наше детство, понимаешь, что, несмотря на весь трагизм своего существования, Пиня заронил в нас добрые чувства. И если бы в Самаре появился его памятник, город получил бы ещё одну грань уникальности. ...Его образ настолько врезался в память и поражал неподражаемой странностью и непохожестью на других, что даже спустя 30 лет после встречи с ним он продолжал жить и в памяти

простых людей и творческих личностей. Так в самарском Доме актёра, однажды, был выставлен акварельный портрет Пини Гофмана – самарского юродивого, странного персонажа, с нелепой фигурой носильщика поневоле, вечно таскающего набитые чем-то хозяйственные сумки, всегда себе на уме

серьёзного и сосредоточенного, как Сизиф, толкающий в гору свой камень. Таким он и был... *Пиня и сейчас не забыт, дух его до сих пор живёт и ходит по старой Самаре. И если вдруг иногда летом, вам доведётся проходить по утопающей в зелени деревьев Чапаевской улице, то минуя арку, ведущую в синагогу, будьте готовы к тому, что вдруг оттуда опять выйдет своей неторопливой ковыляющей походкой старый добрый Пиня, выйдет и, проходя мимо, свистнет вам в ухо, или – нет – в самое сердце...*

В процессе работы над рассказом были использованы материалы следующих авторов: Светланы Шапошниковой, Татьяны Апрелевой, Светланы Внуковой, Вероники Чурсиной, Алексея Шакирова, Бориса Райгородского, Ольги Михайловой, Александра Брод, Бориса Кожина, Владимира Емец.

А также: Н.П.Осипова, М. Г. Каплан, С. Сигаль, И. Долматовой.

Материалы сайтов:

<http://nekta-ja.livejournal.com/13067.html>;

<https://samsud.ru/blogs/hroniki-samarochki/samarskie-legendy-pinja-gofman.html>;

<http://kompasturista.ru/news/mify-i-legendy/legenda-o-pine-gofman>;

<http://samara.ru.livejournal.com/5207150.html>;

Автор фотоснимка Пини Гофмана (Пинхуса Гойфмана) – Владимир Емец. (сделан в городе Куйбышеве (Самаре) в 1976 году на улице Ленинградской, возле книжного магазина №1)

Фотоснимок – «Жилые дома для штатных чинов (Трубочного) завода» – представлен краеведом и коллекционером - Рудняевым Сергеем Фёдоровичем.

Автор благодарен всем, чей материал в той или иной степени был использован в написании этого рассказа. Спасибо за сотрудничество!

Особая благодарность за всестороннюю помощь и поддержку – главному библиографу Самарской областной универсальной научной библиотеки, заслуженному работнику культуры Российской Федерации, члену Союза литераторов России, лауреату Губернской премии, общественному деятелю, историку – Александру Никифоровичу Завальному.

С уважением, автор.

Никто не забыт и ничто не забыто...

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Тольяттинский вестник

Литературное приложение

*Интернет-издание Тольяттинского местного отделения
Всероссийской общественной организации
ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО»
К выпуску № 9 – 1 (32) – июль 2022 г.*

**Директор издания: Богатырёв В. Ю. Редактор: Чекунов С.П.
Адрес редакции: 445051 г.Тольятти, улица Маршала Жукова – 12.
При использовании материалов в печати ссылка
на данное издание обязательна**